

“KAYSER VNND HERSCHER ALLER REWSSEN”: ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОМУ ГОСУДАРЮ КАК К ИМПЕРАТОРУ В ГАБСБУРГСКИХ ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

«...Мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до сего века в том быти, как есмь ныне государи на своей земле, а поставления как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим...», — такую решительную и вместе с тем поучительную отповедь получил в Москве силезский рыцарь Николай Поппель, направленный в 1489 г. императором Фридрихом III Габсбургом с предложением великому князю Московскому Ивану III «кралем поставлену быти на своей земле»¹. Правда, это совсем не означает, что русские государи не придавали никакого значения тому, как их титулуют в их стране и за ее пределами.

* * *

К началу XVI в. как в самой России, так и в ее отношениях с иными народами и политическими образованиями все более определенной становилась тенденция величать российского монарха царем, или в иноязычных документах — императором (кайзером в немецких). Какие бы основания для этого ни находили современники, ясно, что решающее значение в усвоении российским правителем нового статуса сыграли два хронологически близких процесса — ослабление и, в конечном итоге, уничтожение османами в 1453 г. Восточной (Византийской) Империи и возникновение во второй половине XV в. на северо-восточных границах тогдашней Европы огромного, мощного, обретшего независимость Русского государства, выступавшего и воспринимавшегося в качестве прямого и законного преемника разрушенного православного царства со столицей в Константинополе.

В Древней Руси царем (термин произведен от имени Юлия Цезаря, лат. Caesar [Ключевский, с. 137, 138; Прозоровский, с. 216, 217]) называли правителя Восточной Империи, а с конца XIII в. также главу Западной (Священной Римской) Империи. Впервые царем русский князь обозначен в 1054 г., в граффито на стене Киевского собора Св. Софии сказано об «успении царя нашего», то есть Ярослава Мудрого. Кроме него в домонгольский период «царями» назывались свв. Борис и Глеб, Мстислав Владимирович (сын Владимира Мономаха), его сын Изяслав и внук Роман Ростиславич. Однако не в качестве официального титула, а для возвеличивания того или иного князя, подчеркивания его политического престижа, роли в церковных делах, прославления как святого [Ключевский, с. 138; Водов, с. 513–518 и в других местах; Цапов, с. 8–10, 15; Горский, 1996, с. 205; Горский, 1999, с. 17, 18; Филюшкин, с. 71–73, 77].

После монгольского нашествия, с установлением иноземного ига термин «царь» в русских документах применяется к великому хану в Каракоруме, а затем, после обретения полной самостоятельности западным улусом Монгольской империи, то есть Золотой Ордой, — к ее главе. Утверждается представление о царе как независимом правителе, не имеющем над собой сюзерена, в связи с чем с середины XIII в. резко падает частота употребления слова «царь» по отношению к русским князьям, ибо все они находились в подданстве у Орды [Горский, 1996, с. 204, 205; Горский, 1999, с. 18–20].

¹ Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1989. С. 6; Памятники дипломатических сношений древнейшей России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. I. С. 11; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. I. С. 1. См. также: [Fiedler, 1857, s. 21–29; Савва, с. 273–275].

Ситуация в этом плане меняется в XV в. В созданном на рубеже 10–20-х годов XV в. «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» московский правитель величается царем многократно²; причем у самого Дмитрия Донского претензий на царский титул не было, и лишь через несколько десятилетий после его смерти в нем увидели помимо замечательного полководца, разбившего ордынское войско во главе с Мамаем, также, по наблюдению А. А. Горского [Горский, 1996, с. 206, 207; Горский, 1999, с. 24, 25; Горский, 2005, с. 139, 140], самостоятельного, независимого правителя (по крайней мере, в 1374–1380 г.), когда татарские цари не обладали реальной властью. Кроме Дмитрия в этом же произведении царем назван его именитый предок Владимир Святославич³.

Решительный перелом в использовании на Руси титула «царь» происходит к концу правления Василия II. В 1461 г. митрополит Иона в послании в Псков величает его как «великого господаря, царя рускаго»⁴; сходное именование в качестве «царя всеа Роуси» неоднократно употребляется в «Слове избранном от святых писаний, еже на латыню»⁵. Как видим, русский монарх еще при своей жизни и при наличии в Орде реально обладающего властью царя обозначается в указанных документах точно таким же титулом. Скорее всего, по предположению А. А. Горского [Горский, 1996, с. 208; Горский, 1999, с. 26, 27; Горский, 2005, с. 150, 151], это было обусловлено складывающимся в русском обществе представлением о переходе после падения Константинополя царского достоинства, принадлежавшего его правителям, в порядке законного преемства к московскому великому князю в качестве главы единственного православного государства, которое в силу этого имело основания претендовать на то, чтобы наследовать роль и место в мире, принадлежавшие захваченной османами Восточной (Византийской) Империи.

Сын Василия II Иван III также именуется современниками царем. В один из самых драматических моментов русской истории, во время «стояния на Угре» (1480 г.), архиепископ Вассиан Рыло в специальном послании, чтобы доказать суверенность Ивана III, многократно подчеркивает царское достоинство и самого государя, и его державы, при этом отказывая в подобном же достоинстве татарскому хану Ахмату и его роду, то есть всем Чингизидам⁶ [Вальденберг, с. 160; Горский, 1996, с. 208, 209; Горский, 1999, с. 28–30; Синецкая, 1998, с. 117, 118]. Такое настойчивое величание царем отвечало интенциям самого Ивана III, который, однако, как кажется, был более осторожен в утверждении за собой этого титула; в данной связи обращает на себя внимание обнаруженная при реставрации латинская надпись 1491 г. на плите, находившейся над воротами Спасской башни Московского Кремля при входе в нее со стороны площади: Иван III Васильевич обозначен на ней как «Божьей милостью великий князь (герцог — *magnum dux*. — О. К.) Владимирский, Московский», но в то же время сказано, что «в тридцатый год своего царствования (*an[n]i 30 imperii sui* — букв.: своего императорства. — О. К.)» он повелел построить башни Кремля⁷. То есть, сохраняя прежний титул великого князя, он определенно указывает на царский (императорский) характер своей власти⁸. Такая же двусмысленность титулатуры Ивана III сохраняется и в чине венчания на великое княжение Дмитрия-внука (февраль 1498 г.); в обращении к русскому государю всего собора церковных

² ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 351, 353, 360, 362, 365.

³ Там же. С. 352.

⁴ РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 90. Стб. 674.

⁵ См.: Попов А. С. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 360, 365, 377, 379–382, 384, 392, 393, 395; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 260.

⁶ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522, 524, 530, 532, 534.

⁷ Текст надписи см. в каталоге: Италия и Московский двор. М., 2004. С. 38. № 44.

⁸ Впрочем, идея о том, что великий князь — это царь в своей земле, высказана отчетливо в послании монаха Акиндина великому князю Владимирскому Михаилу Ярославичу Тверскому в начале XIV в.: «Царь еси, господине княже, в своей земли» (см.: [Вальденберг, с. 118, 119]. Ср. сформулированное политической мыслью Запада положение «король — император в своем королевстве» [Bossuat; Post, p. 453–482; Lemarignier, p. 264, 265]).

иерархов говорится: «Божиею милостью радуися и здравствуй преславный Царю Иване Великий Князь, всея Руси Самодержец...»⁹.

В последующем царское звание все чаще прилагается к российским правителям, а для обоснования правомерности этого была создана концепция об изначально «царском» происхождении русских князей и о передаче им царского достоинства из Византии в далеком прошлом, во времена ее могущества. В Послании Спиридона-Саввы и в Сказании о князьях Владимирских, произведениях начала XVI в., говорится о происхождении Рюриковичей от «сродника» «римского Августа царя», а также о том, что Владимир, правнук Владимира Святого, получил от византийского императора Константина Мономаха царский венец и другие регалии и «наречеса Манамах, царь Великия Русия»; этим-то венцом и венчаются его потомки вплоть до ныне правящего Василия III¹⁰.

Однако несмотря на то, что в русском обществе после прекращения ордынской зависимости получило широкое распространение и историческое обоснование представление о царском достоинстве государей России, отразившееся во многих памятниках эпохи, и Иван III, и даже Василий III воздерживались от того, чтобы церемонией венчания на царство официально закрепить за собой статус царя. И это отразилось в некоторой неопределенности восприятия положения российских правителей за рубежом, в непоследовательности и разнообразии их титулатуры в международных и иноземных документах [Агоштон, с. 73–80].

В средневековых документах западного происхождения русские князья обозначались титулом «король» (*rex*). Начиная с Бертинских анналов, называющих под 839 г. королем правителя народа Рос, — тогда как сами россы именуют его хаканом (*Chakanus*)¹¹, — и во всех последующих нарративных латинских источниках по отношению к русским князьям применялся титул короля, сама же Русь называлась королевством (*regnum*). Королем (или королевой) величали и Игоря Старого, и Ольгу, и Святого Владимира, и Ярослава Мудрого, и его сыновей, и Владимира Мономаха, и Мстислава Великого, а в последующем — князей, правивших уже не всей Русью, а отдельными ее частями-княжествами¹². Обращение в апреле 1075 г. папы Григория VII к князю Изяславу Ярославичу как к «королю русских» (*Regi Ruscorum*)¹³ стало, пожалуй, первым официальным документом, использовавшим этот титул применительно к русскому князю. Тот же титул употреблен в своего рода циркулярном послании, направленном в январе 1227 г. папой Гонорием III «всем королям Руси» (*Universis Regibus Russiae*)¹⁴. Следующий папа Григорий IX обращался в 1231 г. к Юрию, великому князю Владимиро-Суздальскому, как к «славному королю Руси» (*Georgio illustri regi Russiae*)¹⁵. «Королем Руси» (*rex Ruscie*) именуются в папских посланиях 1247–1253 г. князь Даниил Галицкий и его брат Василько¹⁶. О том, что на Руси «много

⁹ Чин венчания на Великое Княжение всея России внука... Дмитрия Иоанновича // СГГД. М., 1819. Ч. II. № 25. С. 29А.

¹⁰ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 161–165, 175–178. См. также: [Горский, 1996, с. 209, 210; Горский, 1999, с. 30, 31; Синицына, 1998, с. 126–132].

¹¹ См. латинский текст в изд.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX — первая половина XII в. / Составление, перевод, комментарий М. Б. Сverdлова. М.; Л., 1989. С. 9–11. См. также: Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 260, 288, 289. О хакане (= кагане) как титуле правителя русов в IX–XII в. см. работы, в которых даны указания на другие западноевропейские, а также восточные и русские источники по теме: [Шаскольский, с. 43–54; Новосельцев, с. 150–159; Golden, р. 77–97; Коновалова, 2001, с. 108–135; Коновалова, 2007, с. 117–119; Коновалова, 2008, с. 228, 229].

¹² Большой материал на эту тему собран в работах: [Лакиер, с. 51–53; Soloviev, 1966a, р. 143–173].

¹³ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841. Т. I. № 1. С. 1.

¹⁴ Там же. № 20. С. 20, 21.

¹⁵ Там же. № 33. С. 30, 31.

¹⁶ См. документы: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 356–363.

королей (plosors gois)», на рубеже XIII—XIV в. упоминал в своих мемуарах Марко Поло¹⁷, так собирательно обозначая всех ее князей-правителей.

С начала XIII в. в некоторых европейских литературных памятниках, а затем и в официальных документах наблюдается тенденция обозначать русских князей более низкими по статусу титулами «герцог» (dux) и «князь» (princeps) (см.: [Soloviev, 1966a, p. 161–164]), хотя в основном, как и прежде, их продолжали величать титулом «король» (rex). Стоит в этой связи обратить внимание на то, что Александр Невский в первом послании (21.01.1248) к нему папы Иннокентия IV назван «герцогом», в следующем (15.09.1248) — «королем». Последний галицкий князь Болеслав-Юрий (Георгий) II (1324–1340 г.) в латинском переводе грамоты, направленной к великому магистру Тевтонского ордена Дитриху, назван «герцогом всей Малой Руси» (dux totius Russiae Minoris), тогда как в латинской надписи печати этого же князя он значится на одной ее стороне как «король Руси» (s[igillum] domini Georgi regis Rusie), на другой — как герцог Владимирский ([s]igillum domini Georgi ducis Ladimerie)¹⁸.

Была и другая тенденция, правда, в латинской Европе не получившая широкого распространения, — применять по отношению к некоторым русским князьям более высокий титул «великий король» (magnus rex). Им обозначались в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского (создана в 1225–1227 г.) князья Новгорода, Киева, Суздаля, Полоцка¹⁹. Любопытно, однако, что эта титулатура нашла широкое применение в византийских официальных документах XIV в.: русские князья, и прежде всего великие князья Московские, обозначались титулом, получившимся из сочетания терминов греческого и латинского происхождения, — «μέγα ρήξ»²⁰, или «великий король». «Ρήξ» — это, как очевидно, греческая транскрипция латинского «rex», то есть «король», известная с VI в. (титул применялся уже к Теодориху, «королю готов») [Soloviev, 1966a, p. 169, 170], а все выражение является переводом русского титула «великий князь». Византийцев такой перевод, в котором слово «ρήξ (rex)» обозначало титул ниже, чем царь (или император — βασιλεύς), не вполне понимавших, по-видимому, разницу между статусами «короля», «князя», «герцога» (rex, princeps, dux), вполне устраивал; так же, как и русских, привыкших к тому, что их «князь» в латинских переводах часто передается как «rex».

Другое дело латинский Запад, там титул «великий король» должен был бы выглядеть как нечто странное, нечто такое, чему трудно найти соответствие, чтобы определить его значение. И тем не менее он там встречается в первой трети XV в. применительно к русским правителям. В одной из рукописных версий мемуаров бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа упоминается в качестве новгородского сюзерена «великий король Московский, государь Великой Руси» (legrant roy de Musco, seigneur de la grand Russie)²¹. Похоже, что де Ланноа, много путешествовавший по

¹⁷ Polo Marco. Le livre / Ed. par M. G. Pauthier. Paris, 1865 (Pt. 1–2). Pt. II. P. 752.

¹⁸ См.: Куник А. А. Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси. СПб., 1907. С. 154; Лаппо-Данилевский А. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси. С. 246–249.

¹⁹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л., 1938. С. 28, 129, 222, 240, 317, 415, 433 и в других местах (оригинальный текст на латыни сопровождается в этом издании русский перевод).

²⁰ Симеон Гордый, как Иван Красный и Дмитрий Донской, названы в византийских документах «μέγα ρήξ πάσης Ρωσίας» (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860. Vol. I. P. 263, 267, 338, 516, 523, 524; Vindobonae, 1862. Vol. II. P. 12, 15), Василий I в 1393 г. — «великим королем Московским и всея Руси», «μέγα ρήξ Μοσκ[χ]οβίου καὶ πάσης Ρωσίας» (Ibid. Vol. II. P. 12, 188), тогда как князь смоленский Святослав — просто «великим королем», «μέγα ρήξ» (Ibid. Vol. I. P. 524). См. также: [Соловьев, 1957, с. 142; Soloviev, 1966b, p. 793; Soloviev, 1966a, p. 170]. Б. А. Успенский ошибочно считает, что «титул ρήξ (король. — О. К.) применялся в Византии к русским великим князьям, которые приравнивались таким образом к западным правителям» [Успенский, с. 38]; дело в том, что в отношении русских великих князей использовался титул «μέγα ρήξ», то есть «великий король», и тем самым они вольно или невольно ставились выше западных монархов королевского достоинства.

²¹ Lannoay Gh. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoay, voyageur, diplomate et moraliste / Ed. par Ch. Potvin, J. C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 33. № 3. (См. русский перевод в работе: Кудрявцев О. Ф. Великая Русь рыцаря Де Ланноа // Родина. 2003. № 12. С. 79. № 3).

Греции и Переднему Востоку, усвоил политическую терминологию византийцев, дав французский перевод титула, который ими употреблялся в отношении великих князей Московских; стоит заметить, что содержащееся в цитированном отрывке именование северной Руси (московских владений и, возможно, новгородских) «Великой Русью» тоже свидетельствует о знакомстве автора с византийской географической номенклатурой [Кудрявцев, 2013, с. 63–67, примеч. 104].

Особый интерес представляет договорная грамота 1417 г. Ливонского ордена с Псковом, в ней господином этого города назван «русский государь Василий Дмитриевич», который в немецком переводе определен как «русский император» (*de Rusche Keyser Wassile Dumittrius*)²². Пожалуй, именно в этом документе московский правитель впервые обозначен «императором», то есть высшим титулом светского государя, которым обладали главы Византии и Священной Римской Империи. И надо подчеркнуть, что с этого времени использование по отношению к нему подобного титула, как и наименование его государства империей, то и дело попадает в западноевропейских документах.

На карте мира венецианца Андреа Бьянко, изготовленной в 1436 г., дважды встречается имя «Росия» (*rosie*) к северу от гор (Рифей?), с которых берет начало река Танаи, а неподалеку, севернее Волги, помещены название «Империя Великая Росия» (*imperio rusie magna*) и изображение правителя, сидящего в шатре, с двумя телохранителями, находящимися по сторонам от него²³. В январе 1463 г. герцог Миланский Франческо Сфорца отправил письмо в Москву, адресованное «великолепному другу нашему, дражайшему Якопо, чеканщику золотой и серебряной монеты всего царства Славнейшего господина Белого Императора»²⁴. Нет сомнений, что «Белым Императором» герцог, глава одного из крупнейших государств Италии, назвал великого князя Московского Ивана III, хотя о мотивах, побудивших его к этому, можно только гадать²⁵. Ибо в других случаях в том же Милане великого князя Московского могли титуловать иначе — например, как в Средние века, «королем Руси» (*Re de Rusia*)²⁶, или, подобно греческим владетельным князьям, «деспотом России» (*Despotus Russiae, Dispoto de Rossia*)²⁷, или, стараясь как можно точнее перевести его титул, — «Великим Герцогом России» (*Gran Duca de Rossia*), что мы встречаем в надиктованном в 1486 г. и записанном по-итальянски миланской придворной канцелярией сообщении великокняжеского посла о Московской Руси²⁸. Титул герцога (*duca*) для обозначения статуса московского правителя использован почти в то же время властями Венеции в сношениях с ним²⁹, а также венецианскими описателями Восточной Европы Иосафатом Барбаро и Амброджо Контарини³⁰.

²² См.: ГВНП. № 334. С. 319. См. также: [Карамзин, с. 293, примеч. 202; Водов, с. 511, 512].

²³ См. репродукцию карты в кн.: *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005 (1-е изд. на английском языке — 1975 г.). С. 56.

²⁴ «Magnifico amico nostro carissimo Jacobo, Monetario auri et argenti totius regni Illustrissimi domini Albi Imperatoris» (*Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. Bari, 1957. P. 82. См. также: *Луковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 650).

²⁵ Подробнее о том, что должен означать титул «Белый Император (Царь)», см.: [Szeftel, p. 72–74, № 41].

²⁶ См. Записку о границах Руси, подготовленную для Франческо I Сфорца (между 1450 и 1466 г.): *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. P. 12.

²⁷ См. письма Франческо Сфорца в Рим 1461 г.: *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. P. 79–81.

²⁸ *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. P. 90; *Луковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.). С. 651, 652.

²⁹ В официальных венецианских документах к правителю России обращались «Illustrissimo et potentissimo domino duci Russie» (*Cornet E.* Le guerre dei Veneti nell'Asia. 1470–1474. Vienna, 1856. См. также: *Скржинская Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 155, 252, 269).

³⁰ *Contarini A.* Viaggio in Persia. 28, 29 и в других местах; *Barbaro I.* Viaggio alla Tana. 55, 60. См. оригинальный текст и перевод в кн.: Барбаро и Контарини о России / Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 132, 134, 158, 159, 202, 225, 226. Стоит, однако, предупредить, что переводчица титул «duca», то есть просто «герцог», который оба путешественника использовали по отношению к Ивану III, передала как «великий князь».

Впрочем, в нарративных источниках и частных документах конца XV — первой половины XVI в. статус московского монарха мог определяться по-разному. Например, Малипьеро, создатель «Венецианских анналов», неоднократно именуется российского государя «королем» (re) так же, как и авторы хроник городов Витербо и Виченцы, а их современник венецианец Марино Сануто в своих «Дневниках» обозначает его то «королем Руси» (re di le Russia), то «герцогом Московии» (il ducha di Moscovia)³¹. Франческо да Колло, побывавший в 1518—1519 г. с дипломатической миссией в России, в своем сочинении называет ее государя то «Императором» (Imperator), то «Князем» (Principe), то «великим Герцогом» (gran Duca)³². В трактате Фабри, о котором пойдет речь ниже, созданном в 1525 г. на основе показаний русских послов к императору Карлу V, использован точно такой же, как у да Колло, набор титулов в отношении российского правителя³³ и особо приведен развернутый титул, употребляемый им, как сказано, в сношениях с другими государствами: «Василий, Божьей милостью император всея Руси и великий князь (dux) Владимирский и Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский и Тверской»³⁴. Однако Фабри упрощал, ибо далеко не ко всем государям и не всегда в своих грамотах Василий III именовал себя «императором» (в русских текстах — «царем»); так, в сношениях с Крымом или Литвой он выступал как «великий князь» [Савва, с. 276—281]; а вот, адресуясь к папам и к Габсбургам (о них см. ниже), он мог использовать титул как «великого князя», так и «императора»³⁵.

Иное дело, как его статус трактовали правители других государств. Оказывается, довольно значительное их число в официальных документах международного характера называло русского монарха «императором» («царем») уже с последней трети XV в. «Царями» именовались Иван III и его наследник Иван Иванович Молодой в сношениях с ливонскими городами, по крайней мере с середины 70-х годов XV в., о чем свидетельствует договорная грамота Новгорода и Пскова с епископом Юрьевским сентября 1474 г.³⁶ В искавший союза с Москвой Тевтонский орден грамоты посылались от «царя и государя всея Руси», а оттуда — «к царю»³⁷. В новгородско-шведском соглашении о перемирии 1482 г. Иван III поименован «русским кайзером» (Rysse keyser), а в соглашении 1487 г. — «великим королем, кайзером всех русских, великим князем» (na befelle des groten Koniiiges, Keijser ower alle Rwslant, Grot Föörste Iwan Wasiliiwitsij)³⁸, то есть титулом, близко напоминающим зафиксированный в ливонско-псковском договоре начала XV в. Во времена Густава Вазы в мирном договоре между Швецией и Русью (Новгородом) 1524 г. Василий III обозначен как «император и государь всея Руси» (Imperator et dominus totius Rutie)³⁹. Сходным образом «императором всея Руси» (totius Rutzsie Imperator) назван Иван III в договоре о дружбе и союзе с королем Дании Иоанном, заключенном в 1493 г., и повторно точно такой же титул поставлен в грамоте датского монарха, направленной уже Василию III в 1505 г. (totius Russiae

³¹ См.: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. С. 156, 203, 204, 258, 259, 277, 278. См. также: [Матасова, с. 65, 69].

³² Колло Фр. да. Доношение о Московии / Подготовка текста, перевод, вступительная статья и комментарии О. Симич. М., 1996. С. 46, 58.

³³ Fabri I. Moscovitarum religio // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 148, 149, 177.

³⁴ Ibid. P. 148, 177.

³⁵ См. ниже, примеч. 58, 59.

³⁶ ГВНП. № 78. С. 133. И этот императорский (царский) титул российского государя сохранился в последующих соглашениях о перемирии новгородских властей или самого русского самодержца с ливонцами, а также с ганзейскими городами 1503, 1509, 1513, 1521, 1531 г. (см.: Там же. № 347. С. 331; СГГД. М., 1894. Ч. V. № 57, 65, 95, 105. С. 40, 55, 87, 109. См. в этой связи также: [Хорошкевич, с. 87, примеч. 62; с. 102]).

³⁷ См. грамоты магистра Тевтонского ордена Альбрехта к Василию III 1517—1518 г. и Василия III — к магистру 1518 г. и иных лет: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. LIII. № 5, 7. С. 42, 66, 77; СГГД. Ч. V. № 73, 74, 75, 82, 85. С. 71—77, 79.

³⁸ Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1895. D. III. № 525, 535. S. 360, 404. См. также: [Хорошкевич, с. 102, 136].

³⁹ Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1888. D. IV. № 16. S. 74.

Imperatori)⁴⁰. В том же 1505 г. в грамоте к Ивану III и его соправителю Василию III Филиппа I Кастильского и эрцгерцога Австрийского, сына и наследника императора Максимилиана I, русские государи признаны «царями» (по-видимому, «императорами» в оригинале)⁴¹.

В первой половине XVI в., обращаясь к российским государям с просьбами о милостыне, «царями» их именовали высшие церковные иерархи Ближнего Востока, Причерноморья, Балкан — патриархи Константинопольский и Александрийский, митрополиты Белградский и Кафинский, монастыри Афона и Синая, а также некоторые светские владетели, имевшие отношения с Москвой⁴². Более того, османские султаны, наиболее могущественные и влиятельные суверены всего Переднего Востока, также признали царское достоинство Василия III: в 1520 г. как к «царю» обратился к нему Селим I, а в 1532 г. Сулейман Великолепный назвал его «царь царем»⁴³.

* * *

Итак, довольно большой круг европейских правителей и православных церковных властей — и, по-видимому, без всякого к тому внешнего принуждения — признавал за московскими государями императорское (царское) достоинство. Однако о полном международно-правовом утверждении их императорского титула речь могла идти только тогда, когда этим титулом кого-то из них назвал бы христианский монарх равного статуса, а таковым был император Священной Римской Империи. И это произошло в 1514 г., когда между Империей и Россией был заключен союзный договор против Сигизмунда I Ягеллона, короля Польского и великого князя Литовского, вскоре, впрочем, дезавуированный императором.

Сближение России с Империей было вызвано стремлением объединить усилия в борьбе не с османами, что в тот момент хотя и было очень актуально для Габсбургов, но не отвечало интересам русской стороны, а с Польско-Литовским государством. 3 февраля 1514 г. в Москву прибыл императорский посланец Георг Шнитценпаумер, который должен был от имени своего монарха побудить московского правителя к участию в широкой антипольской коалиции, куда, кроме него и императора, входили бы король Датский, курфюрсты Саксонский и Бранденбургский, а также гроссмейстер Тевтонского ордена [Fiedler, 1863, s. 4–6; Бауер, с. 85, 86; Писаревский, с. 5, 6; Uebersberger, s. 77; Зимин, с. 156; Хорошкевич, с. 125–128; Wiesflecker, s. 159, 173–178; Ronchi De Michelis, с. 426]. Дело в том, что император Максимилиан I намеревался помочь Тевтонскому ордену вернуть утраченные им земли, перешедшие к Польше по мирному договору 1466 г., а также заставить Польшу отказаться от поддержки антигабсбургских сил в Венгрии, выступивших против заключения браков между наследниками венгерского престола и императора; великий князь Московский Василий III отстаивал свои права на древнерусское наследство — Киев и другие русские территории, захваченные королевством Польским и Великим княжеством Литовским. Хотя определенными полномочиями заключать союзный договор с Василием III Шнитценпаумер не располагал, тем не менее 7 марта 1514 г. он отправился восвояси, уже имея на руках подписанный русским государем акт, провозглашающий «любовь и вечное докончанье и братскую дружбу с нашим братом Максимьяном, Божию милостью избранным Римским Цесарем»⁴⁴; выработанный в Москве немецкий текст этого же акта, соответствовавший русскому, скрепил крестным целованием за своего императора сам Шнитценпаумер и утвердил собственной подписью и печатью⁴⁵. Таким образом был заключен союз на условиях, сформулированных в

⁴⁰ СГГД. Ч. V. № 110, 112. С. 129, 133. См. также: [Szeftel, p. 74; Зимин, с. 140; Lehtovirta, s. 192].

⁴¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. Стб., 128, 129. См. также: [Синицына, 1998, с. 121].

⁴² Соответствующие источники приведены в работах: [Малинин, с. 549, 550; Зимин, с. 140; Филюшкин, с. 78–80].

⁴³ СГГД. Ч. V. № 93. С. 85. См. также: [Филюшкин, с. 78, 79].

⁴⁴ СГГД. Ч. V. № 67. С. 66; Идея Рима в Москве XV–XVI века. С. 431.

⁴⁵ “Und ich der Bot Jorg Schnitzenpamer des Erwelten Romischen Kayserzudisen Brief mein Handtschrift gethan und mein Sygel angehangen” (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Т. II. Кол. 1446–1448. Документ перепечатан в работе: [Fiedler, 1863, s. 6, 7]).

Москве и вполне устраивающих русскую сторону. Они предусматривали взаимную помощь на случай наступательной или оборонительной войны с Польшей и Литвой за возвращение владений, которые, как сказано, «наш и ваш недруг Жигимонт король польский и великий князь литовский... неправдою держит за собой»⁴⁶.

И русский текст договорной грамоты, и немецкий были изготовлены в Москве, причем на обороте последнего помечено, что «диак Елиазар руку свою приложил к сему списку»⁴⁷; речь должна идти о Елизарии Сукове, ибо именно он был отправлен со Шнитценпаумером к императору. Впрочем, вряд ли будет правильным думать, что Елизарий был составителем немецкого варианта [Ronchi De Michelis, с. 425], а не простым его переписчиком. Позже, к концу 1514 г., когда новые императорские послы в Москву будут утверждать, что, поставив подпись под этим документом, Шнитценпаумер превысил свои полномочия, они заявят, что ему было лишь поручено узнать, угоден ли будет великому князю союз с императором, и никакой другой инструкции он не получал; на что русские представители скажут, что некий документ с формой договорной грамоты он с собой все же имел и проект договора был составлен именно им. Похоже, что ни те, ни другие не лукавили. Скорее всего, он действительно не располагал заранее согласованным с императором текстом договора, однако мог взять с собой копии старых договоров (или, если верить немецким послам, найти их оригиналы в России), и они-то и послужили ему и его русским коллегам образцами для подготовленного уже в Москве немецкого текста договорной грамоты — не случайно он выглядел архаично⁴⁸. Как бы то ни было, а роль Шнитценпаумера в подготовке подписанного им документа не стоит недооценивать. Равно как и полагать, что он проявил недопустимое самоуправство, согласившись подписать сомнительный или просто невыгодный для своего государя договор от его имени. Скорее всего, он действовал, руководствуясь настроениями, которые были при императорском дворе, когда он получал инструкции и готовился к поездке в августе 1513 г., в полной уверенности, что он правильно выполняет волю своего монарха. Однако за время поездки и международно-политическая ситуация в Европе, и, соответственно, настроения при императорском дворе изменились (см.: [Шмурло, с. 104]): заинтересованность Польши, вовлеченной в войну с Россией, в сближении с Империей и ставшая более реальной перспектива матримониального союза Максимилиана I с венгерским королем Владиславом II Ягеллоном, брака внуков императора с наследниками венгерского престола⁴⁹, отодвинула на второй план заботы о возвращении потерянных Тевтонским орденом владений. Поэтому война с Сигизмундом I, братом Владислава II, теперь уже представлялась императору не столь актуальной, если не нежелательной вообще.

Ситуация, в которой оказался император в результате смелого, не предусмотренного инструкцией шага своего посланца в Москву, была сложной. 4 августа 1514 г. он должен был подписать пергаменную договорную грамоту, немецкий текст которой привез ему Шнитценпаумер, скрепить ее золотой печатью и подтвердить крестным целованием, а затем вручить русским послам, которые, со своей стороны, передали императору аналогичную грамоту на русском языке их государя. Однако сразу же особым письмом на немецком и на латыни Максимилиан I оговорил вступление в силу договора некоторыми условиями: не отказываясь в принципе от военных действий в союзе с Василием III против государя Польши и Литвы, император уточнял,

⁴⁶ "... Ewr vnnd vnnsere Veindt Sigismundus Kunig in Pollen vnnd Grosfürste zu Littaw... mit unrecht hellt vnnder sich..." (см. русский и немецкий тексты грамоты: Идея Рима в Москве XV—XVI века. С. 432, 440).

⁴⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. Кол. 1445, 1446.

⁴⁸ См. доклад послов Якоба Ослера и Морица Бургшталлера императорскому придворному совету 19 мая 1515 г.: [Fiedler, 1863, Beilage VI, s. 76—80]. См. также: [Писаревский, с. 13, 14].

⁴⁹ Речь шла о женитьбе Людовика Ягеллона, сына Владислава II, на эрцгерцогине Марии и выходе замуж его сестры Анны за эрцгерцога Фердинанда; договор об этом был подписан летом 1515 г., а браки заключены в 1521 г. (см.: [Fiedler, 1863, s. 32 und weiter; Бауер, с. 72, 79, 80, 90; Писаревский, с. 4—10; Зимин, с. 177, 178; Wiesflecker, s. 181—204]).

что прибегать к ним можно только в случае неудачи попыток мирного решения спорных проблем и предварительного согласования этих действий с императором и всеми его союзниками; было оговорено и время, когда можно ожидать военного выступления Империи, — «ближайший день Св. Георгия-война», то есть 23 апреля 1515 г.⁵⁰

Обращаясь к самим документам, следует подчеркнуть, что именно в них впервые глава Священной Римской Империи признал императорское достоинство русского государя, что отвечало интересам русской стороны, хотя неизвестно, потребовал ли вопрос о титуле Василия III особого обсуждения и согласования во время визита в Москву Шнитценпаумера [Lehtovirta, s. 192; Zenčev, s. 21, 22; Агоштон, с. 82, 83]. В договорной грамоте на русском языке, подписанной Василием III, он именуется «Божиею милостию *царь* (здесь и ниже курсив наш. — О. К.) и государь всея Руси и великий князь володимерский и московский...» и так далее. В немецком тексте, составленном в Москве, но подписанном императором в Германии и скрепленном печатью, Василий III обозначен как «*von gotes gnaden Kayser vnnd Herscher aller Rewssen*»⁵¹. Важно подчеркнуть, что императором назван русский правитель и в документах, созданных уже в канцелярии Максимилиана I, — письмах на латинском и немецком языках, в которых он выдвинул оговорки для вступления в силу союзного договора: в латинском варианте, датированном 3 августа 1514 г., Василий III назван «*Dei gratia Imperator et Dominator uniuersorum Rhutenorum*», а в немецком, датированном 4 августа того же года, — «*von gottes genaden Kayser vnnd herscher aller Rewssen*»⁵².

Таким образом, признание правителем Священной Римской Империи императорского достоинства российского государя было зафиксировано в международно-правовых документах. Немецкие тексты первой и второй грамот после их подписания императором были направлены в Москву, но судьба их сложилась по-разному.

Назначенные Максимилианом I послы к Василию III Якоб Ослер и Мориц Бургшталлер достигли Москвы 13 декабря 1514 г. 17 декабря они были приняты великим князем, который отказался вносить какие-либо изменения в договор и не принял грамоту, их содержащую (см.: [Fiedler, 1863, s. 12; Писаревский, с. 13–15; Uebersberger, s. 86, 87; Ronchi De Michelis, с. 428]). И это вполне понятно. В расчете на помощь Империи он начал войну с Сигизмундом I, на первых порах весьма успешную, ибо 29 июля 1514 г. русскими был взят Смоленск, но затем принявшую дурной оборот — 8 сентября русские войска потерпели жестокое поражение под Оршей [Соловьев, 1989, с. 239; Зимин, с. 165–167]. От императора же вместо помощи он получил предложения внести изменения в договор, делающие его бессмысленным.

Что касается Империи, то для нее в новых обстоятельствах союз с Россией становился мало привлекательным, если не совсем ненужным. Король Польши оповестил в июле 1514 г. своего брата Владислава II о том, что будто бы император совместно с русскими, тевтонцами, ливонцами и немецкими князьями намеревается напасть на него, в связи с чем король Чехии и Венгрии обратился к Максимилиану I, зная заинтересованность Габсбургов в матримониальном союзе с Ягеллонами, с увещеванием установить с королем Польши Сигизмундом I дружеские отношения и содействовать его примирению с великим князем Московским⁵³. Одновременно поляки предприняли мощную пропагандистскую кампанию с целью дискредитировать русских как сильного в военном отношении союзника: сам польский король направил папе Льву X,

⁵⁰ Идея Рима в Москве XV–XVI века. С. 443, 447. Латинский текст письма был обнаружен только в 80-е годы XX в. в Архиве Симанкас (Испания) и опубликован в цитируемом издании (С. 442–445).

⁵¹ Там же. С. 431, 439; СГД. Ч. V. № 66, 67. С. 62–68.

⁵² Идея Рима в Москве XV–XVI века. С. 442, 446. По предположению Фр. Кэмпфера, Максимилиан I именовал здесь русского государя «императором» один-единственный раз и только для того, «чтобы не обидеть его» [Kämpfer, s. 240].

⁵³ Acta Tomiciana. Posnaniae, 1854. Т. III. № 216, 219. Р. 154, 155, 166, 167. См. исследования: [Fiedler, 1863, с. 24, 25; Wiesflecker, s. 177; Ronchi De Michelis, с. 427].

другим церковным иерархам и венецианскому дожу послания о его победе над «неверными или схизматиками» (*Infideles aut Scismaticos*), как он именовал русских, пространное послание об этом же написал апостольский легат в Польше Пизон, в Риме было издано несколько сочинений польских авторов на эту же тему⁵⁴, победе поляков над москвитями посвящались наспех составленные стихотворные произведения⁵⁵. Для большей убедительности поляки направили по городам Европы взятых ими в битве при Орше военнопленных⁵⁶.

Конечно, при императорском дворе не могли не учитывать все эти известия, в их свете тем более предпочтительной Габсбургам должна была казаться перспектива брачного союза с венгерским королевским домом, сулящая им новые значительные территориальные приобретения, нежели возвращения Тевтонскому ордену некогда захваченных у него поляками владений. Отказ русского государя принять новый вариант договорной грамоты был использован как предлог для того, чтобы аннулировать соглашение. 19 мая 1515 г. на имперском сейме в Аугсбурге послы Максимилиана I Ослер и Бургшталлер доложили о неудачном исходе своей миссии, а императорский уполномоченный Конрад Пейтингер заявил протест по поводу позиции, занятой российским государем [Fiedler, 1863, s. 14–16, 76–84; Uebersberger, s. 87]. Таким образом, заключенный Шнитценпаумером союз был публично расторгнут, договорная грамота, подписанная императором 4 августа 1514 г., объявлена недействительной.

* * *

В связи с аннулированием императором договорной грамоты с Россией небезосновательным будет выглядеть вопрос о том, в какой мере этот акт мог повлиять на проблему титулатуры русского государя. Иными словами, вел ли этот шаг неизбежно к отказу от признания за Василием III императорского достоинства? Или все-таки подписанную Максимилианом I грамоту можно рассматривать как прецедент, позволяющий русским требовать от монархов Запада обращаться к их государю как к императору; ведь Максимилиан I отказывался от подписанного его послом договора о союзе с Василием III, а не от обращения к нему как к императору, тем более что такое же обращение содержит документ, изготовленный в канцелярии самого Максимилиана I.

Правда, насколько можно судить по другим материалам, именование Василия III императором не было в его глазах *condition sine qua non* для отношений с иноземными монархами. Кстати заметить, сам он не венчался на царство, далеко не всегда называл себя царем в грамотах к другим государям⁵⁷ и не требовал от них так себя именовать. С его стороны не вызывало неприятия, когда и после 1514 г. глава Священной Римской Империи, папа или кто-то еще из европейских правителей называл его «Великим Князем и Великим Русским начальником», «Великим князем всея Руси и Московии» (*magnus totius Russiae et Moscoviae princeps*), а то и просто «Герцогом Московии» (*Dux Moscoviae*)⁵⁸, хотя в своих посланиях к ним он теперь уже мог обозначить себя

⁵⁴ [Sigismundus I]. Epistola ad Leonem X Pont. Max. de victoria contra haereticos et schismaticos Moscovienses. Roma, 1514. См.: Acta Tomicianiana. Т. III. № 232. Р. 182; см. также: № 231–238. Р. 181–188; Dantyszczek J. De clade Moscorum. Romae, 1515; Wapowski B. Paneguris seu carmen elegiacum in victoriam Sigismundi I, regis, de Moschis. Romae, 1515. Под впечатлением от этих польских сочинений о сражении поляков с русскими писал папский нунций Якуб Пизон (Epistola Pisonis ad Coritiam de conflictu Polonorum et Lituorum cum Moscovitis. Romae, 1515. См. в изд.: Acta Tomicianiana. Т. III. № 246. Р. 202–207) и автор немецкой брошюры «Die Schlacht von den Kunig von Polen mit den Moscoviter, gescheen am Tag Marie Gerpurt MCCCXIII». См. также: [Шмурло, с. 101–103; Зимин, с. 169; Хорошкевич, с. 126, 127; Wiesflecker, s. 177].

⁵⁵ См. поэтические труды Андрея Критского и Сильвия Амата: Acta Tomicianiana. Т. III. № 242, 244. Р. 191–200.

⁵⁶ О том, что видел русских военнопленных в Вене, сообщает Вадриан (Pomponius Mela. De situ orbis libri tres. Basileae, 1522. Р. 95). Заполучив некоторую часть этих военнопленных, Максимилиан I отправил их в Россию (см.: [Бауер, с. 89, 90; Шмурло, с. 102, № 4; Зимин, с. 169; Хорошкевич, с. 126]).

⁵⁷ См. грамоты Василия III к турецкому султану Селиму I 1515 г., к крымским ханам 1515, 1518, 1519, 1521 г. и иных лет, договорные грамоты с польским королем Сигизмундом I 1523, 1527 г. (СГГД. Ч. V. № 69, 70, 86, 88, 94, 97, 102. С. 68, 69, 80, 82, 86, 97, 104).

⁵⁸ См. грамоты к Василию III императора Максимилиана I 1517, 1518 г., а также пап Льва X 1518, 1519 г. и Климента VII 1524, 1525 г. (СГГД. Ч. V. № 77, 81, 83, 84. С. 74, 76, 78, 79; Григорович И. И. Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. СПб., 1834. № 1, 2. С. 3, 9. См. также документы: [Савва, с. 278–284; Шмурло, с. 131]; Язькова В. Е. Папский престол и Московское государство (к истории дипломатических связей в первой половине XVI в.) // Средние века. М., 1995. Вып. 58. С. 201.

как «Божиею милостью Царь и Государь всеа Русии» (*Dei gratia Imperator et Dominator totius Russiae*)⁵⁹. Возможно, это и спровоцировало появление в недрах императорской канцелярии одного документа, пусть и не получившего статус официального, тем не менее опубликованного и в силу этого имевшего огласку.

В 1526 г. в Базеле Иоганном Фабри (1478—1541 г.)⁶⁰, советником и духовником эрцгерцога Австрийского Фердинанда Габсбурга, был напечатан отрывок грамоты императора Карла I к Василию III, будто бы случайно попавшийся ему на глаза, когда уже завершалась работа над его трактатом «Религия московитов», в предисловии к коему он и был помещен. Само сочинение Фабри представляет собой по преимуществу запись бесед с участниками посольства великого князя Московского Василия III к императору Карлу V, которое отправилось из Москвы вместе с императорским послом Антонио де Конти в июне 1524 г. По дороге оно посетило Вену, где было с честью принято братом императора эрцгерцогом Австрийским Фердинандом. Затем через германские земли, Фландрию и, по-видимому, Англию посольство добралось до Испании. 6 апреля 1525 г. состоялся торжественный въезд русских послов в Мадрид, а 29 апреля — прием у императора в Толедо. Обратный путь послов пролегал через Францию, а в августе или в начале сентября 1525 г. они вновь встретились с эрцгерцогом Фердинандом уже в Тюбингене. Из владений Габсбургов русское посольство выехало в январе 1526 г. вместе с ответным посольством императора и эрцгерцога к Василию III. Его возглавили граф Леонардо Нугарола и барон Сигизмунд Герберштейн.

В Тюбингене русские послы князь Иван Иванович Засекин Ярославский и дьяк Семен Борисович Трофимов [Россия в первой половине XVI в., с. 205, 206, примеч. 6] были приняты при дворе эрцгерцога Фердинанда, где Фабри вместе с какими-то другими неназванными лицами взял у них своего рода интервью, следы которого ощутимо чувствуются в появившемся вскоре повествовании об отечестве, народе, религиозных нравах и уставах московитов. Беседы проходили при посредничестве толмача Василия Власа, сведущего в немецком и латинском языках [Россия в первой половине XVI в., с. 206, примеч. 8]. Заказчиком сочинения был эрцгерцог Фердинанд, действительным адресатом — вся образованная, читающая по-латыни Европа.

Примером московитов, «нравы и весь уклад жизни которых, — по словам Фабри, — исполнены ничем иным, как благочестием»⁶¹, он хотел не только поразить воображение своих современников, но и выступить против церковной смуты и гражданских нестроений в Германии. Поэтому, по признанию самого Фабри, дабы придать больший вес в глазах читателей рассказам о малоизвестном, но могущественном и, несомненно, заслуживающем внимания народе, он и предпослал им фрагмент грамоты, направленной Карлом V Василию III. Фрагмент этот представляет собой инскрипцию, содержащую полный, развернутый титул российского государя и обращение к нему: «Светлейшему и могущественнейшему государю господину Василию, Божьей милостью императору и повелителю всех рутенов (*dei gratia Imperatori et dominatori uniuersorum*

⁵⁹ См. грамоты Василия III к императору Максимилиану I 1518 г., к папе Клименту VII 1525, 1526 г., к французскому королю Франциску I 1517 г., к курфюрстам и чинам Империи 1519 г., к датскому королю Христиану II 1519 г. и иные (СГГД. Ч. V. № 78, 84, 87, 90. С. 75, 79, 81, 83; Григорович И. И. Переписка пап с российскими государями в XVI веке. С. 19, 25; [Шмурло, с. 133]; *Iovius P. Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 233, 262).

⁶⁰ См. о нем: [Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, s. 475–477; Kirchenlexikon oder Encyklopädie der katholischen Theologie und ihrer Hilfswissenschaften, s. 1172–1175; Aschbach, s. 307–322; Staub; Helbing; Lhotsky, s. 228–241; Contemporaries of Erasmus, p. 5–8; Кудрявцев, 2011, с. 383–385].

⁶¹ *Fabri I. Moscovitarum religio*. С. 144, 172.

Ruthenorum)⁶², и великому князю Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому, Нижегородскому, Черниговскому, Рязанскому, Волоцкому, Ржевскому, Белевскому, Бельскому, Ростовскому, Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондийскому и ин[ых], старшему брату (fratri maiori) и другу нашему драж[айшему]. Карл, император римлян»⁶³.

В цитированной инскрипции обращают на себя внимание две особенности. Во-первых, как и в грамотах на латыни и на немецком 1514 г. по поводу заключения союзного договора между Империей и Россией, государь этой последней назван «императором» и признана его власть над «всеми рутенами (то есть русскими. — О. К.)», стало быть, и над русскими подданными Великого княжества Литовского и Короны Польской. Во-вторых, — и в этом существенное отличие грамоты из трактата Иоганна Фабри от предшествующих документов, адресованных Габсбургами русским государям, — Василий III признан в ней не просто «братом», как было условлено еще в 1491 г. [Синицына, 1997, с. 57, 58], но — что следует отметить в качестве случая небывалого — «старшим братом». Трудно сказать, что именно предполагали секретари императорской канцелярии обозначить подобной формулой — может быть, простую разницу в возрасте, ибо Василий III (1479 г. рождения) был действительно намного старше Карла V (1500 г. рождения). Однако что бы они ни подразумевали, именование старшим братом могло выглядеть в глазах всех современников прежде всего как признание Карлом V, правителем Священной Римской Империи, по традиции считавшимся наивысшим среди всех католических монархов, первенства и превосходства российского государя.

Грамота Карла V к Василию III с той инскрипцией, какую привел Иоганн Фабри, так и не была отправлена адресату. Главную роль в этом сыграл, по-видимому, Сигизмунд Герберштейн. Собираясь вместе с графом Леонардо Нугаролой, представителем Карла V, во второе свое московское посольство, Герберштейн в качестве представителя эрцгерцога Фердинанда получил верительные грамоты, в которых обращение к российскому государю его настолько не устраивало, что он запросил новые. В них так же, как и в документе, напечатанном Фабри, Василий III именовался «императором» и «нашим старшим [братом]», а этого, по мнению Герберштейна, не следовало делать, ибо прибавило бы спеси «московиту»; Герберштейн предлагал «писать ему как государю России и великому князю»⁶⁴. Более чем вероятным выглядит предположение о том, что в руки Фабри попал аналогичный документ, то есть первоначальный вариант верительной грамоты к Василию III, которой был снабжен императорский посол Нугарола. Следует заметить, что именно Нугарола доставил Герберштейну инструкции Фердинанда относительно их предстоящего совместного посольства в Московию⁶⁵, вызвавшие столь негативную реакцию Герберштейна. Уместно также предположить, что «замечания» Герберштейна на первоначальный вариант присланной ему верительной грамоты оказались роковыми и для первоначального варианта верительной грамоты, данной Карлом V Нугароле. Новый, дошедший до нас целиком текст верительной грамоты с более скромной титулатурой российского монарха, названного «государем» и

⁶² Рутенами в античных источниках (см.: [Буданова, с. 169]) называлось кельтское племя на границе Аквитании и Нарбоннской Галлии. В европейских документах Средних веков и Возрождения этот термин употреблялся для обозначения восточных славян, выступая синонимом слова «руссы». См. у Матвея Меховского: «regiones Russorum seu Ruthenorum», то есть «области руссов, или рутенов» (*Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. I.1.1 / Пер. С. А. Аннинского. М.: Л., 1936. С. 47, 129*), а также у Герберштейна: «...народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке Russi, а по латыни именуемый Rutheni» (*Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 58*). Соответственно, термин «Ruthenia», наряду с «Russia», «Ruscia», «Ruzzia», начиная уже с XI в. применялся для именованя Руси (см.: [Соловьев, 1957, с. 139]).

⁶³ *Fabri I. Moscovitarum religio. С. 144, 172.*

⁶⁴ См. замечания Герберштейна на инструкции, полученные от эрцгерцога Фердинанда, в кн.: *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 265*. См. также: [Россия в первой половине XVI в., с. 205, примеч. 5; Кудрявцев, 1997, с. 226–228].

⁶⁵ *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 263.*

«великим князем Руссии», был подписан Карлом V в Толедо 12 августа 1525 г.⁶⁶ и, следовательно, получен Нугаролой в Германии значительно позже, а 18 сентября 1525 г. в Тюбингене Фабри уже закончил свой трактат, которому предпослал отрывок из первоначального и, по-видимому, вскоре уничтоженного текста подобного рода грамоты.

Благодаря базельской публикации 1526 г. трактата Фабри «Религия московитов» первоначальный вариант грамоты был сделан достоянием всей читающей по-латыни Европы. Стоит заметить, что он сохранился еще в публикации трудов Фабри 1537 г.⁶⁷, тогда как, начиная с издания 1541 г.⁶⁸, чьими-то стараниями он исчезает и более не появляется в последующих перепечатках трактата. Возможно, это произошло по прихоти издателей, скорее всего, потому, что своим содержанием он не устраивал влиятельные в Империи круги, к которым принадлежал Герберштейн, ориентированные на союз с Ягеллонами.

Просмотрели грамоту и русские современники Фабри и Герберштейна, не проявившие интереса к тому, что писали об их стране иноземцы. Поэтому, когда пришла нужда доказывать законность употребления государем Московии царского титула, его дипломаты ссылались лишь на грамоту Максимилиана I 1514 г., покоившуюся в архивах, и изготовляли в подтверждение своей правоты ее копию⁶⁹, которая внушала подозрение уже тем, что высылалась из Москвы, и которая могла быть легко утаена от широкой огласки. Другое дело грамота Карла V, опубликованная в 1526 г. в трактате Фабри, который в многочисленных экземплярах разошелся по всей Европе, — она могла бы стать весьма убедительным аргументом в доводах российской стороны. Тем более что никто в Империи не выступал публично с заявлением о ее недействительности или подложности. Ее просто замолчали.

Литература

- [Агоштон М.] Титул русского государя в свете информации Герберштейна // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. II. С. 73–87.
- Бауер В. В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий // ЖМНП. 1870. Март. Ч. CXLVIII. С. 55–93.
- Буданова В. П. Варварский мир эпохи великого переселения народов. М., 2000.
- Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006 (1-е изд. — 1916 г.).
- Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века [1-е изд. работы на французском языке — 1978 г.] // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 506–542.
- Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. 1996. С. 205–212.
- Горский А. А. Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 17–37.
- Горский А. А. Москва и Орда. М., 2005.
- Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. V.
- Ключевский В. О. Терминология русской истории [1-е изд. — 1884–1885 г.] // Сочинения. М., 1959. Т. VI. С. 129–275.
- Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. С. 108–135.
- Коновалова И. Г. Еще раз о кагане русов Бертинских анналов // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2007. С. 117–119.

⁶⁶ Там же. С. 262.

⁶⁷ *Fabri I. Opuscula quaedam. Lipsiae, 1537. Sig. oIVr-pVIr.*

⁶⁸ *Fabri I. Moscovitarum religio // Opus historiarum nostro saeculo convenientissimum. Basileae, 1541. P. 196–233.*

⁶⁹ В 1555 г. для обоснования царского титула Ивана IV в Великое княжество Литовское были направлены списки с грамот Максимилиана I и султана Сулеймана Великолепного (см.: Сборник РИО. СПб., 1887. Т. LIX. № 31. С. 474–476. См. также: [Соловьев, 1989, с. 500]).

- Коновалова И. Г. Древнейший титул русских князей «каган» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 228–229.
- Кудрявцев О. Ф. Неизвестная грамота Карла V Василию III // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 224–228.
- Кудрявцев О. Ф. Фабри Иоганн // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Ч. 2. С. 383–385.
- Кудрявцев О. Ф. Западные известия первой половины XV века о Руси // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 31–67.
- Лакиер А. История титула государей России. Отдельный оттиск. СПб., 1847 (первая публикация в ЖМНП. 1847. № 10, 11).
- Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.
- Матасова Т. А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 64–74.
- Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150–159.
- Писаревский Г. К истории сношений России с Германией в начале XVI века // ЧОИДР. 1895. Кн. II. С. 1–21.
- Прозоровский Д. И. О значении царского титула до принятия русскими государями титула императорского // Известия Императорского Русского археологического общества. 1877. Т. VIII. Вып. 3. Стб. 193–218.
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. М., 1997.
- Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- Синицына Н. В. Два мира: возможность взаимопонимания // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 35–62.
- Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
- Соловьев А. В. Византийское имя России // ВВ. М., 1957. Вып. XII. С. 134–155.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Т. V. Кн. III.
- Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
- Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV–начала XVI в. М., 1980.
- Шаскольский И. П. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 43–54.
- Шмурло Е. Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом (1462–1528) // Записки русского исторического общества в Праге. Прага Чешская; Нарва, 1937. Кн. 3. С. 91–136.
- Цзапов Я. Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 7–17.
- Aschbach J. von. Geschichte der Wiener Universität. Wien, 1888. Bd. III.
- Bossuat A. La formule “Le roi est empereur en son royaume” et son emploi devant le Parlement de Paris // Revue historique de droit francais et étranger. 1961. Vol. XXXIX. P. 371–381.
- Contemporaries of Erasmus. Biographical Register of the Renaissance and Reformation. Toronto; London, 1986. Vol. II.
- Fiedler N. Nikolaus Poppel, erster Gesandter Oesterreichs in Russland. Historisch-biographische Skizze. Wien, 1857.
- Fiedler J. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivanovic Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514. Wien, 1863.
- Golden P. B. The question of the Rus’ Quaghanate // Archivium Eurasiae medii aevi. 1982. Vol. II. P. 77–97.
- Helbing L. Dr. Johann Fabri: Generalvicar von Konstanz und Bischof von Wien, 1478–1541. Münster, 1941.
- Kämpfer Fr. Die Ratifizierung des ersten deutsch-russischen Vertrages von 1514 // Studia philologica slavica. Festschrift für Gerhard Birkfellner. Berlin. 2006. Teilband I. S. 237–243.
- Kirchenlexikon oder Encyclopädie der katholischen Theologie und ihrer Hilfswissenschaften. Freiburg im Br., 1886. S. 1172–1175.
- Lehtvirta J. The Use of the Titles in Herberstein’s Commentarii. Was the Muscovite Tsar a King or an Emperor? // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii. 1549–1999 / Hg. von Fr. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002. S. 187–201.
- Lemarignier J.-F. La France médiéval, institutions et sociétés. Paris, 1970.
- Lhotsky A. Die Bibliothek des Bischofs von Wien, Dr. Johannes Fabri (1530–1541) // Lhotsky A. Aufsätze und Vorträge. Bd. 3: Historiographie, Quellenkunde, Wissenschaftsgeschichte. München, 1972. S. 228–241.

- Post G.* Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100–1322. Princeton, 1964.
- Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. Leipzig, 1879. Bd. 4. S. 475–477.
- Ronchi De Michelis L.* Nota sull’alleanza tra l’imperatore dei Romani Massimiliano I e l’imperatore di Russia Vasilij // Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1989. С. 425–430.
- Soloviev A. V.* “Reges” et “regnum Russiae” au Moyen Âge // Byzantion. Bruxelles. 1966. Vol. XXXVI. P. 143–173. (Soloviev, 1966a)
- Soloviev A. V.* Le voyage de messiere de Lannoy dans le Pays Russes // Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschiezewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. P. 791–796. (Soloviev, 1966b)
- Staub J.* Dr. Johannes Fabri bis zum offenen Kampf gegen Luther. Einsiedeln, 1911.
- Szeftel M.* The Title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. XIII. № 1. P. 59–81.
- Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien; Leipzig, 1906. Bd. I.
- Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Wien, 1981. Bd. IV.
- Zenčev V. C.* Der Beginn der russisch-österreichischen Beziehungen // Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs. 2003. Bd. 50. S. 19–25.